

Геоэкономика и ее ценностный аспект

Б.В. Межуев, кандидат философских наук

К системе А.И. Неклессы у меня совершенно противоположные претензии, чем у большинства выступавших. Мне кажется, безусловно осмысленным термин «геоэкономика». Большая часть возражений, которые он вызывает, на самом деле не вполне релевантны.

Действительно, в Нью-Йорке можно обнаружить не только финансовые пирамиды, валютную биржу и Уолл-Стрит, но и людей, которые занимаются ремесленным хозяйством; однако ясно, что в мировом хозяйстве Нью-Йорк присутствует именно в качестве лидера финансового мира, так же как и Лондон. То же самое можно сказать и по поводу Юго-Восточной Азии: разумеется, в том же Китае есть разные производства, но в мировом хозяйстве Китай присутствует как производитель индустриальных товаров, а не как производитель риса.

Мне кажется, что и термин «геоэкономика», и вся представленная на схемах тематика имеет смысл.

Что вызывает вопросы в докладе А.И. Неклессы? Во-первых, **противопоставление геоэкономики и геополитики**. Дело в том, что геоэкономика, на мой взгляд, есть попытка взглянуть на мир с точки зрения мирового хозяйства, представления о том, что мировое хозяйство сложилось как некая целостность. Что, собственно говоря, и было сделано в основном докладе. Тогда как **геополитика — это попытка взглянуть на тот же самый мир с точки зрения безопасности**. Те люди, которые создавали геополитику как науку, исходили из того, что мир замкнут, что колониальный охват

мира завершен, и теперь взгляд на безопасность, конструкцию безопасности мира может быть уже глобальным, а не носить лишь региональный характер. Безопасность мира можно мыслить как некую целостность. В этом смысле, если посмотреть на схемы Александра Ивановича, на разные конфигурации (Север и т. д.) не с экономической точки зрения, а с геостратегической, то легко выстроить аналогичную схему, возможно, с теми же компонентами — Север, Юг, Запад и т. д.

Ясно, что мир существует и в той, и в другой ипостасях; более того, геополитический и геоэкономический аспекты перемежаются между собой и работают друг на друга. С другой стороны, если мы возьмем термин «геокультура», то увидим, что он вполне логично увязывается в один ряд с «геополитикой» и «геоэкономикой». Иммуануил Валлерстайн, который, собственно, и выдвинул термин «геокультура», исходил из того, что мир в настоящее время существует уже не только как единая хозяйственная система, но и как единый ценностный организм. Что он объединен не только общими деньгами, но и общими ценностями. Однако ценности и хозяйственные реалии находятся в жестком конфликте друг с другом, и, в то же время, как сама реальность глобальной экономики (или геоэкономики) возможна только в связи с наличием глобальной культуры или геокультуры. Мир интегрирован не только хозяйством, это не только стратегическая конструкция, он еще существует как общее ценностное единство. Безусловно, внесение ценностного компонента, как я еще скажу, придает всей этой конструкции несколько иной, более парадоксальный характер.

Второй момент, который, как мне кажется, следует подчеркнуть, состоит именно в контексте схемы Александра Ивановича. Что скрепляет всю эту конструкцию? Где тут **геоэкономический обруч**, который удерживает эти разные регионы в некотором единстве? Этот обруч существует где-то на заднем плане. Почему с 1973 г. профицитные эконо-

мики начинают вкладывать излишек государственных доходов в американские ценные бумаги? Вначале Саудовская Аравия, потом Китай, и, наконец, — что самое парадоксальное — Россия. С Саудовской Аравией понятно: будем считать причиной ее решения — военную силу США. С Китаем тоже понятно — экономический интерес этой страны, перед товарами которой Америка открыла свой внутренний рынок. У России отсутствует и то, и другое. Сейчас становится очевидным, что геозэкономический обруч существует; более того, мне кажется, что именно сейчас, во время кризиса, когда рушатся все надстройки, обнажается каркас этого мира, этот геозэкономический обруч, основа данного мира, обнажается с полной ясностью. То, что он отсутствует в данной схеме, несколько понижает ее ценность.

И, наконец, третий момент, касающийся рассмотрения данной схемы. Кто, собственно говоря, является ее наблюдателем, и какими ценностями этот наблюдатель руководствуется? Какая ценностная реакция заложена в самой этой схеме и какая определяет ее описание? Смотрим ли мы на эту конструкцию, как зоолог глядит на развитие бабочки из гусеницы, или же как врач смотрит на прогрессирующую болезнь? Не задавая себе этот вопрос, мы не сможем всерьез ответить на вопрос: кончается новое время или нет? Ибо Новое время если и подходит к своему концу, то не из-за того, что появляются какие-то новые финансовые механизмы и новые социальные реалии, но только потому, что меняется ценностная система, поддерживающая Новое время.

Если мы, тем не менее, по-прежнему признаем релевантность модерна именно как ценностной системы, то в этом случае, с точки зрения нации-государства — важнейшего компонента этой ценностной системы, мы не можем относиться к конструкции Александра Ивановича просто как к описанию фактического положения вещей. Нас не должны убеждать ссылки, скажем, на постепенную гибель нации-государства в условиях разнообразной структурной дифференциации и

т. д. Ясно, что сама представленная конструкция обусловлена определенным взглядом на реальность, сугубо ценностным взглядом, согласно которому высокоорганизованная особь должна господствовать над низкоорганизованной. Север — над Югом, Запад — на Востоком, мир изобретений и инноваций — над миром сырьевых и демографических придатков. Правильно это или нет? Честно говоря, схема колониализма исходила ровно из той же самой модели. Мы знаем, что в результате определенных вещей, в том числе связанных с внутренним протестом как «высокоорганизованных», так и «низкоорганизованных» особей по поводу системы колониализма, этот исторический феномен ушел в прошлое. Почему мы должны относиться к этой схеме с большим почтением, чем к идее бремени белого человека?

Ну, и последний момент, касающийся нации и ее якобы неизбежного раскола. Что такое нация как социальная реальность? Выражаясь советским языком, это единство города и деревни. Попытка наметить рамки солидарности между двумя разными мирами, мирами разных технологических укладов, разных волн: первой — аграрной и второй — индустриальной. Не было никаких гарантий, что жители деревни и жители городов должны были слиться воедино в рамках одного — национального — сообщества. И разделяли их много большие пропасти, чем те, что отделяют сегодня офисный планктон от фабричных рабочих. Мне кажется, что нет никакой сверхчеловеческой, как бы научной, необходимости считать, что наличные рамки солидарности должны разрушиться под влиянием каких-то новых социальных реалий, которые вступают в силу и естественным образом разламывают существующие межгосударственные отношения.